

ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ УСТУПИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

© 2015 Е.А.Краснова

Самарский государственный университет путей сообщения

Статья поступила в редакцию 01.10.2015

В статье представлен текстовый анализ уступительных конструкций русского языка в рамках антропоцентрической лингвистической парадигмы. Рассматривается одна из художественных функций уступительных высказываний – характерологическая: их роль в создании образов персонажей романов Л.Н.Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина».

Ключевые слова: функционально-прагматическое исследование, высказывания со значением уступки, уступительные союзы, характерологическая функция, идиостиль Л.Н.Толстого.

Статья выполнена в русле речеведческих работ по филологическому анализу художественного текста. Предметом исследования выбрана одна-единственная синтаксическая конструкция – уступительные предложения русского языка в творчестве Л.Н.Толстого. Задачей стало установление их характерологической функции – далеко не единственной, но одной из немаловажных в романах «Война и мир» и «Анна Каренина». Выбор источников языкового материала продиктован не только масштабом таланта писателя, но и значительным объемом его произведений. На наш взгляд, уступительные структуры – одна из особенностей идиостиля писателя¹.

Соглашаясь с мнением Н.С.Валгиной² о «субъективизме оценок и рекомендаций в практических пособиях по работе с текстом», мы предприняли попытку выработать свою методику аналитической работы с отдельно взятыми языковыми единицами. Нужно отметить, что специальных исследований уступительных высказываний как коммуникативных единиц художественного текста в функционально-прагматическом плане не проводилось.

Художественный текст – это прежде всего информационно-коммуникативная единица, поскольку заключает в себе речемыслительную дея-

тельность субъекта речи. Функциональный анализ языковых единиц направлен на выяснение основного смысла произведения: рассматривая отдельные компоненты текста с точки зрения их роли (функции, назначения) в тексте исследователь пытается ответить на вопрос, зачем они оказались нужны автору. Функциональный анализ самым тесным образом связан с прагматическим, основным предметом которого служит соотношение и взаимодействие творца текста и его читателя. Автор «задумывает» цель употребления определенных языковых единиц или их совокупности со всеми акцентами и нюансами, понятными лишь в художественном контексте. Текстобразование, таким образом, осуществляется с определенной авторской установкой и диктуется авторской модальностью, т.е. отношением автора к сообщаемой им информации. Однако автор не просто создает информативный текст, но и дает направление интерпретации читателя и его концептуально-эмотивному отклику. Адресат, сознательно или суггестивно, воспринимает языковые сигналы автора с коррекцией на свои фоновые знания и индивидуальные особенности. Соотношение «автор – текст – читатель» при всей сложности этой триады в настоящее время убедительно описано в лингвистической литературе³.

Мы солидарны с К.Я.Сигалом в том, что, исследуя отдельное синтаксическое явление, важно не «замыкаться» в нем как языковом понятии, а видеть его несобственно синтаксическую (семан-

⁰ Краснова Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры инженерной педагогики и культуры делового общения. E-mail: ekrasnova@mail.ru

¹ По данным Национального корпуса русского языка, союз НЕСМОТРЯ НА употреблен Л.Н.Толстым в романе «Война и мир» 253 раза, в романе «Анна Каренина» 155 раз. Для сопоставления: в романе М.А.Шолохова «Тихий Дон» – 43 раза, во всех рассказах В.М.Шукшина – лишь единожды.

² Валгина, Н.С. Теория текста: учебное пособие / Н.С.Валгина. – М.: Логос, 2004. – С. 6.

³ Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р.Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.; Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л.Г.Бабенко, Ю.В.Казарин. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 496 с.; Валгина, Н.С. Теория текста: учебное пособие / Н.С.Валгина. – М.: Логос, 2004. – 173 с.

тическую либо прагматическую) обусловленность, контекстные допущения, стилистическую «заряженность», поскольку синтаксические единицы напрямую связаны с основными закономерностями речевой деятельности человека и с нуждами речестроения⁴.

Талантливый автор, как правило, добивается гармонии своего замысла и его интерпретации другими людьми. Именно этим объясняется интерес читательской публики к творчеству Л.Н.Толстого по всему миру и по сей день, хотя со времени выхода его романов прошло полтора столетия и в них описана далекая от нас историческая эпоха.

Что касается методологии анализа синтаксических явлений, в частности, уступительных конструкций, то здесь целесообразно привлечение двух существующих ныне парадигм языкознания: классической структурно-семантической и относительно новой антропоцентрической функционально-прагматической.

Уступка – одна из семантических разновидностей группы предложений со значением обусловленности, только эта обусловленность не прямая, как в причинно-следственных конструкциях, а обратная, которую можно обозначить словом «вопреки». Покажем это на примере сложноподчиненного предложения, хотя суть уступительности та же, что и в простых предложениях со второстепенным членом – обстоятельством уступки. Ср.: *Так как светило майское солнышко, было тепло. – Хотя светило майское солнышко, тепла не было.* При постпозитивном придаточном уступительное значение выражено не столь отчетливо, поскольку возникает присоединительный оттенок в виде дополнительного пояснения, особенно при соответствующем интонировании. См.: *Было холодно, хотя светило майское солнышко.*

Согласно формулировке Е.С.Скобликовой⁵, придаточное уступки выражает ситуацию препятствующую, но «уступающую» той, о которой речь идет в главном предложении: *«Хотя случались неприятности, она никогда не падала духом».* Подобные отношения называют также отношениями обратной обусловленности, отвергнутого основания, обманутого ожидания, ненормального следствия, несоответствия.

Уступительные союзы составляют целостную группу, основные из них *хотя* (стилистически

нейтральный с разговорным вариантом *хоть*) и *несмотря на* (стилистически нейтральный с книжным «привкусом»). Остальные союзы менее частотны: разговорный *даром что, добро бы* с окраской просторечия, *пусть* и разговорный *пускай*. Особую разновидность составляют обобщенно-уступительные союзные слова с частицей *ни* в роли служебных слов: *как ни, где ни, сколько ни, кто ни* и др., которые нередко употребляются Л.Н.Толстым. Но самый распространенный союз в его романах – *несмотря на*, используемый преимущественно в авторской речи.

Союз – главный конституирующий элемент, без которого высказывание в своем специфическом качестве невозможно. Однако конструктивные свойства уступительной связи проявляются только в тесном взаимодействии с лексико-грамматическим наполнением предложения, которое должно удовлетворять требованиям гармонии с уступительной моделью. От разноуровневых языковых средств, составляющих вещественное речевое содержание, зависит диапазон сферы конкретного «действия» уступительных высказываний.

В соответствии с задачей статьи рассмотрим личности трех совершенно непохожих друг на друга героев романов Л.Н.Толстого. Княгиня Анна Михайловна Друбецкая («Война и мир») носила одну из лучших фамилий России, но была бедна и утратила прежние связи. Она приезжает на светский раут к Анне Павловне Шерер в надежде хлопотать должность гвардейского адъютанта своему единственному сыну Борису через влиятельного князя Василия Курагина. Тот встретил просительницу с фамильярностью и скукой. Он редко использовал свое влияние, чтобы в случае необходимости иметь право просить за себя.

«Несмотря на то, что князь Василий неохотно и почти неучтиво слушал пожилую даму, даже выказывал нетерпение, она ласково и трогательно улыбалась ему и, чтобы он не ушел, взяла его за руку».

Явная неучтивость и ответная на это ласковая улыбка в обыденной жизни не вяжутся друг с другом и в романе воспринимаются как контекстуальные антонимы. Будучи показателями противоположности и несочетаемости, они заключают какой-то тайный подтекстный смысл. Он быстро становится ясен читателю. В отчаянной борьбе за устройство судьбы сына Анне Михайловне было не до самолюбия. Она, конечно, не могла не понимать своего незавидного положения. Но в создавшейся ситуации ей нужно было мобилизовать все возможные средства убеждения вплоть до улыбки *«молодой кокетки»* и напоминания о том,

⁴ Сигал, К.Я. Проблемы теории синтаксиса / К.Я.Сигал; Ин-т языкознания РАН. – М.: Ключ-С., 2012. – С. 3 – 4.

⁵ Скобликова, Е.С. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения / Е.С.Скобликова. – Самара: Самарский гос. пед. ун-т; Самарский ун-т, 1993. – С.83.

что когда-то ее отец покровительствовал молодому Василию Курагину. Читатель скорее всего посочувствует женщине, осознавая и уважая самоотверженность матери, заставившую ее вопреки унижению дворянского достоинства и попранию фамильной гордости едва ли не выклянчивать протекцию.

Анне Михайловне еще не раз придется приспособливаться к обстоятельствам. Будучи дальней родственницей богатого вельможи Кирилла Безухова, она развивает бурную деятельность по спасению мозаикового портфельчика с его завещанием, чтоб другие заинтересованные лица его не уничтожили. Портфель «Анна Михайловна держала крепко, но, *несмотря на то*, голос ее удерживал всю свою сладкую тягучесть и мягкость». Понимая, что домашние князя видят в ней «мерзкую интриганку», она вынуждена прибегать к лицемерию: «Милая, добрая княжна», – кротко говорила Анна Михайловна. Интенсив совокупности качественных характеристик поведения женщины не оставляет сомнений в искусственности ее эмоций, вызванных корыстными интересами. Особенно выразительно словосочетание «сладкая тягучесть» голоса, не оставляющее сомнений в двусмысленности положения. Подстраивается она и к княгине Ростовой, своей подруге, которая приютила ее сына Бориса.

«Во время обеда Анна Михайловна говорила о слухах войны, о Николушке; спросила два раза, когда получено было последнее письмо от него, *хотя* знала это и прежде».

Только три уступительных высказывания, но они оказались способными дать представление о социальном, материальном и эмоционально-психологическом состоянии героини, вызывающей у нас теперь, скорее всего, чувство двоякое: солидарное понимание материнских переживаний и неприятие ее неискренности, хотя та, в некоторых случаях, могла быть вызвана извиняющими жизненными обстоятельствами.

Дальнейшее повествование подтвердит уместность уступительных высказываний, подготавливающих окончательность суждений о личности княгини Друбецкой. Негативное впечатление от нее будет развиваться, хотя и не слишком педантироваться, но неоднократно сквозить в мелких пометках автора. Самым ярким доводом негативного восприятия Анны Михайловны является, пожалуй, сын как плод ее воспитания – человек холодный и корыстный, расчетливо делающий карьеру за счет перспективных связей и выгодной женитьбы на нелюбимой, даже неприятной ему физически, зато богатой невесте.

«Борис говорил себе, что он завтра сделает предложение. Но в присутствии Жюли, глядя на ее красное лицо и подбородок, почти всегда обсыпанный пудрой, на ее влажные глаза и на выражение лица, изъяслявшего всегдашнюю готовность из меланхолии тотчас же перейти к неестественному восторгу супружеского счастья, Борис не мог произнести решительного слова, *несмотря на то*, что он уже давно в воображении своем считал себя обладателем Пензенских и Новгородских имений и распределял употребление с них доходов». «*Несмотря на то*, что Борис приехал с намерением говорить о своей любви и потому намеревался быть нежным, он раздражительно начал говорить о женском непостоянстве».

Толстой шаг за шагом создает целостную картину того, как мать и сын используют людей как средство достижения своих житейских устремлений.

Старый князь Николай Андреевич Болконский – отец Андрея Болконского – фигура противоречивая. С семантикой уступительности вполне согласуется его независимость, сугубая самостоятельность и самодостаточность, его твердые, даже жесткие принципы жизни, заставляющие поступать, мягко говоря, нестандартно, вопреки общим традиционным представлениям света. Еще при императоре Павле генерал-аншеф князь Болконский был сослан из столицы в деревню из-за своих оппозиционных воззрений. Оставив государственную службу, будучи в преклонном возрасте, он тем не менее жил по строгому распорядку жизни, доведенному до последней степени точности, где неукоснительно, по часам чередовались обязательный физический труд, занятия математикой со взрослой дочерью, написание мемуаров, оздоровительные променады...

«И те же часы, и по аллеям прогулки? Станок? – спрашивал князь Андрей с чуть заметной улыбкой, показывавшей, что, *несмотря на* всю свою любовь и уважение к отцу, он понимал его слабости». «В новое царствование, *хотя* ему и был разрешен въезд в столицы, он также продолжал безвыездно жить в деревне, говоря, что ежели кому его нужно, то тот и от Москвы полтора верста доедет до Лысых гор, а что ему никого и ничего не нужно». «*Несмотря на то*, что он был в отставке и не имел теперь никакого значения в государственных делах, каждый начальник той губернии, где было имение князя, считал своим долгом являться к нему».

По странной прихоти Болконский допускал к семейному столу своего архитектора, «*хотя* по своему положению незначительный человек этот никогда не мог рассчитывать на такую честь». Подтекст понятен: князь хотел подчеркнуть свое

уважение к незнатному, но достойному человеку. Словосочетание «незначительный человек» мало похоже на авторское суждение. Это мнение светского общества, а значит, своеобразное выражение несобственно-прямой речи.

Совсем иной образ Стивы Облонского в романе «Анна Каренина» – типичного неунывающего сангвиника. Мы застаем его в нелегкий момент, когда его оскорбленная и убитая горем жена узнает о его измене с француженкой-гувернанткой. Откровенничая с Левиным, Стива говорит «с унылым отчаянием»:

«Что же делать? Жена стареется, а ты полон жизни. Ты не успеешь оглянуться, как ты уже чувствуешь, что ты не можешь любить любовью жену, как бы ты ни уважал ее». «Но, несмотря на то, что Степан Аркадьич был кругом виноват перед женой и сам чувствовал это, – пишет автор, – почти все в доме, даже нянюшка, давний друг Дарья Александровны, были на его стороне».

Почему же? Очевидно потому, что он был человеком легким, незлобивым, приветливым, добрым, радостным (сейчас мы сказали бы – позитивным). Его снисходительность к людям, демократичность, несомненная честность сочетались с необремененностью строгими нравственными правилами и достаточно легкомысленным отношением к жизни, главной целью которой было пользоваться ее радостями.

«Несмотря на свою всегда разгульную жизнь, небольшие чины и нестарые годы, он занимал почетное и с хорошим жалованием место начальника в одном из московских присутствий».

Получал он приличные деньги: «шесть тысяч жалованья, которые были ему нужны, так как дела его, несмотря на достаточное состояние жены, были расстроены» из-за неумения и нежелания обременять себя хозяйственными хлопотами. Такая противоречивая фигура тоже легко вписывается в языковое поле уступительности, но иным образом, нежели в предыдущих случаях.

Уже по этим трем персонажам понятно, что уступительные предложения могут служить довольно четкими маркерами авторского отношения к изображаемым героям. Ведь художественные произведения во всех своих языковых проявлениях представляют собой «слепок души» автора (В.Токарева), его «автопортрет» (М.Веллер). Вот что пишет сам Л.Н.Толстой о роли субъекта речи в художественном тексте: «Во всяком художественном произведении важнее, ценнее и всего убедительнее для читателя собственное отношение к жизни автора и все то в произведении, что написано на это отношение. Ценность художественного произведения заключается не в единстве за-

мысла, не в обработке действующих лиц, а в ясности и определенности того отношения самого автора к жизни, которое пропитывает все произведение»⁶. Так, несмотря на объективно показанную неоднозначность образа старого князя Болконского, чувствуется, что Толстой уважает его достоинство и порядочность, его жизненную стойкость и твердые принципы. Осознавая масштаб личности генерала Болконского, он не развивает (как в случае с Анной Михайловной), а, напротив, отводит на задний план не самые лучшие и весьма нелегкие для окружающих качества своего героя – суровость к дочери и нарочитые странные выходки. О них забываешь как о неважных и несущественных в сценах последних минут старого человека, когда он предстает только любящим отцом княжны Марьи, как бы обнажая свою подлинную человеческую сущность. Что касается Стивы Облонского, то автор скорее всего выносит приговор устами его жены, которая, горько заплавав, в конце концов его прощает. В отношении же автора к княгине Друбецкой чувствуется сдержанный холодок осознания той правды жизни, которая с ней связана.

В довершение всего надо сказать, что даже будучи одной единственной «репликой», уступительные конструкции вполне способны выполнять свою художественную роль в описании действующего лица, поскольку они подчеркивают какую-либо характерную черту человеческой личности и вызывают к ней адекватное отношение читателя. Непритязательность Пьера Безухова и его уважение к простому солдату передано коротким уступительным зачином 12 главы второй части 4 тома романа «Война и мир».

«Прошло четыре недели с тех пор, как Пьер был в плену. Несмотря на то, что французы предлагали перевести его из солдатского балагана в офицерский, он остался в том балагане, в который поступил с первого дня».

Наташу Ростову как заботливую маму автор представляет фразой:

«Со следующим ребенком, несмотря на противодействие матери, докторов и самого мужа, вставших против ее кормления, как против вещи тогда неслыханной и вредной, она настояла на своем и с тех пор всех детей кормила сама».

Легкая поступь полной в своей комплекции экономки дядюшки детей Ростовых звучит как свидетельство ее привлекательности в глазах барина:

⁶ Цит. по: Валгина, Н.С. Теория текста: учебное пособие / Н.С.Валгина. – М.: Логос, 2004. – С. 261 – 262.

«Несмотря на толщину более чем обыкновенную, заставляющую ее выставить вперед грудь и живот и назад держать голову, женщина эта ступала чрезвычайно легко».

Такими художественными штрихами, описанием, казалось бы, мелких особенностей жизни действующих лиц романов Л.Н.Толстой рисует значимые подробности и черты человеческих отношений и внутреннего мира своих героев, выстраивает эмоционально-оценочную сторону своих произведений. Несмотря на малый размер, художественная деталь несет эстетическую нагрузку, являясь одним из средств типизации, материализации авторской идеи и авторского отношения, выразительности и сознания читательского впечатления.

Объем статьи не позволяет охарактеризовать все художественные функции уступительных предложений в романах Л.Н.Толстого. На самом деле они разнообразны: от достаточно серьезных до возможности создать юмористическую ситуацию. Оставим их на перспективу изучения. Пока же скажем, что исследования союзных высказываний актуальны по их возможностям вклада в новое развивающееся направление языкознания – антропоцентрический функционально-коммуникативный анализ слов служебного характера в аспекте их текстовой системы. Определенные успехи в этом отношении достигнуты только в области функционально-прагматических описаний предложений сочинительного характера⁷. Текстовый анализ высказываний с подчинительными союзами – очередной этап эволюции лингвистики.

⁷ Гаврилова, Г.Ф. Сложносочиненное предложение и связный текст / Г.Ф.Гаврилова // Русский язык в школе. – 1984. – № 2. – С. 93 – 97; Гаврилова, Г.Ф. Функционирование сложносочиненного предложения в

тексте / Г.Ф.Гаврилова // Сложное предложение в тексте: сб. науч. тр. – Калинин: [б.и.], 1988. – С. 4 – 16; Кручинина, И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке/ И.Н.Кручинина. – М.: Наука, 1988. – 212 с.; Клецкая, С.И. Конструкции с сочиненными рядами глаголов-сказуемых и их стилистические функции в языке прозы М.Булгакова: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Клецкая Светлана Ивановна. – Ростов н/Д, 2003. – 18 с.; Костанди, Е.И. Коммуникативно-прагматическая направленность сочинительной связи (на материале художественного текста) / Е.И.Костанди // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. II. Прагматический аспект исследования языка. – Тарту, 1999. – С. 90 – 97; Сигал, К.Я. К вопросу о семантике и номинативной ценности сочинительных конструкций в тексте / К.Я.Сигал // Общеобразовательные дисциплины и язык специальности в профессиональной подготовке национальных кадров на начальном этапе обучения в вузе. Сб. научных трудов. – М.: 2000. – С. 268–271; Сигал, К.Я. Сочинительные конструкции в тексте: опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения) / К.Я.Сигал. – М.: Гуманитарий, 2004. – 403 с.; Ананьева, О.А. Полипредикативные разделительные предложения с союзом «ИЛИ»: строение, семантика: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Ананьева Ольга Анатольевна. – Самара, 2005. – 20 с.; Бакалова, З.Н. Сложносочиненные предложения противительного типа в системном и текстовом аспектах: автореф. дис. докт. филол. наук: 10.02.01 / Бакалова Зинаида Николаевна. – Самара, 2010. – 46 с.; Краснова, Е.А. Сочинительные конструкции в динамическом процессе их функционирования в идиостиле В.М.Шукшина: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Краснова Елена Александровна. – Самара, 2011. – 24 с.; Бакалова, З.Н. Художественная роль русских сочинительных союзов (на материале рассказов В.М.Шукшина) / З.Н.Бакалова, Е.А.Краснова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 29 – 35.

CHARACTER REVEALING FUNCTION OF CONJUNCTIONAL STATEMENTS IN ARTIFICIAL TEXTS

© 2015 E.A.Krasnova^o

Samara State Transport University

The article gives a textual analysis of concessive constructions of Russian language within the framework of anthropocentric linguistic paradigm. Its object is one of the artificial functions of concessive statements – the one whose function is creating of character images in novels by L.N.Tolstoy “Piece and War” and “Anna Karenina”.

Key words: functional and paradigm study, concessive statements, character revealing functions, idiostyle by L.Tolstoy.

^o Elena Alexandrovna Krasnova, Candidate of philology, Associate professor of Department of engineering pedagogics and culture of business relations. E-mail: ekrasnova@mail.ru